

ЭО, 2007 г., № 6

© Л.С. Клейн. Рец. на: *И.В. Утехин. Очерки коммунального быта*. Изд. 2-е, доп. М.: ОГИ, 2004. 280 с., ил.

Каждый из нас, людей старшего поколения, либо жил (а то и живет) в коммуналке, либо часто бывал в коммуналках. Поэтому книга Ильи Утехина "Очерки коммунального быта" (2001) живо (и больно) затрагивает каждого из нас. Так случилось, что с книгой этой я ознакомился недавно, уже по второму, дополненному изданию 2004 г., и так как на первое вышло много рецензий, я буду сразу говорить о втором. Тираж его – 3000 экз., а между тем, как мне представляется, нужно, чтобы книгу эту прочел каждый житель нашей страны, потому что она не только о коммуналках – она о нас. Мы ведь не шпроты. Почему мы позволили проделать с собой такое – разложить нас по банкам, то бишь рассадить по коммуналкам, держать нас в них почти век? Да еще, в отличие от шпротов, возносим хвалу этому быту, более того – тоскуем по нему (Евтушенко "Плач по коммунальной квартире", 1983).

В первой главе ("Карта и территория") автор рассматривает типичную планировку большой коммунальной квартиры, размещение мебели в комнатах, оборудование кухонь и других мест общего пользования. На одном из фото Утехина заснята кухонная плита из коммуналки – половина плиты вымыта, половина грязная: у плиты двое пользователей. Помню, в одной из коммуналок, в которых мне довелось побывать, территория была разделена наиболее наглядно: в кухне были расчерчены белой краской на полу проходы к столу и плите каждой семьи, так что каждый убирал только свою полосу. Некоторым упущением мне кажется то, что не использована классификация коммуналок, бытующая у риэлтеров при расселении коммуналок – коридорная планировка (односторонние, двусторонние квартиры и коммуналки с холлом).

Предмет второй главы – "пустая" комната. Несколько странно, что этот сюжет вынесен столь решительно вперед, сразу за общей планировкой. Пустые комнаты появились в коммунальных квартирах только после 1980 г., после расселения части их обитателей в хрущевки. Опустевшие комнаты, худшие в квартире, стали переводиться в нежилой фонд и перешли в общее владение (никто из жильцов на них не претендовал, чтобы не выбыть из очереди на улучшение жилищных условий). Эти комнаты стали использоваться как склады хлама – вещей, которые никогда или почти никогда не используются по назначению, а выбросить их на помойку руки не доходят. Вот это и есть истинный сюжет главы о "пустой" комнате. Тут выступает на первый план коммунальный Плюшкин. В коммунальной квартире это свойство, присущее нам всем, выступает особенно выпукло, но где нет "пустой" комнаты и вообще коммунальной квартиры, есть забытые хламом буфеты, комоды, кладовки, антресоли и пространства под диваном.

Утехин видит причины этого явления в бедности и лени (экономии усилий) при пренебрежении к чистоте и порядку. Мол, проще оттащить негодные вещи в пустую комнату, чем отнести на помойку. Пожалуй, это упрощение. Причины "почтения к хламу" сложнее. Тут намешано и уважение трудового народа к вложенному в вещи труду, к затраченным на нее деньгам (в конечном счете тоже к своему труду), и еще больше – любовь не к самим вещам, а к той части своей жизни, которая с этими вещами была сопряжена. Больно выбросить частицу своей жизни, и чем старше человек, тем больнее. В этом смысле вещи дороги, как покойники, а "пустая" комната – это как бы кладбище дорогих сердцу вещей. Так сказать восстановление "внутридомных погребений". Коммуналка лишь обостряет эту ностальгию, потому что новые вещи вряд ли лучше, а старые по крайней мере помнят молодость хозяина.

Третья глава называется "Доля, сглаз и справедливость". В ней рассматривается разделение обязанностей по уборке квартиры и вообще социальная дифференциация жильцов и вытекаю-

щие из нее человеческие отношения. Речь идет о дежурствах, о зависти, обостренном чувстве справедливости (доходящем до мелочности), о дележе и угощениях, о вере в приметы и "порчу" и т.п. Как мне представляется, вера в приметы, сглаз, порчу – не специфична для коммунальной квартиры, хотя и охватывает значительную часть населения коммуналки. Это общий вопрос о суевериях в современной жизни. А вот поле для зависти в коммуналке огромное. Представления о доле, убеждение, что справедливость превыше всего (и выше закона) – это действительно важнейший фактор коммунального быта, и он действительно вытекает из российских народных традиций, лишь использованных (но неизмеримо широко) коммунистами. В конечном счете он восходит к общинному крестьянскому устройству, и в этой связи, как мне представляется, автор мог бы более детально остановиться на социальном происхождении значительной части населения коммуналки – из деревни.

Одна из центральных глав – четвертая: "Опасность чистоты". Здесь автор характеризует общую черту всех коммуналки – грязь и запущенность, а также представление жильцов, что свое – чистое, а общекоммунальное – грязное. Свой тазик чист. А общая ванна, в которой он стоит – грязная. Сам он видит только одну причину этого: сознание, что общее – значит ничье, и нежелание тратить свои усилия "для других" ("минимизация усилий"). Но в очень умном и интересном предисловии, представляющем важную часть книги, А.К. Байбуриным поднимается эта тема до глобальных обобщений, и только в его предисловии содержится обоснование названия этой главы. Байбуриным констатируется, что в русских народных представлениях абсолютная физическая чистота сближается со смертью. Он выдвигает предположение, что презрение к физической чистоте, отраженное в русских пословицах, есть результат укорененной православием ревности о чистоте духовной, тогда как другие религии (католичество и протестантизм, не говоря уж о мусульманстве) учат заботиться о чистоте физической. Это различие выражено в православном упоре на божественной стороне Христа в противовес признанию его человеческой природы.

Я далек от убежденности в исключительно благотворном влиянии православия на русский народный характер, но гипотеза Байбурина кажется мне не очень убедительной. Православие есть не только в России, и если Румынию еще можно описывать как страну, не очень озабоченную чистотой и благоустроенностью, то этого не скажешь о Сербии, Болгарии и Греции. Скорее в России сказалась многовековая деревенская привычка мириться с отсутствием возможностей соблюдать физическую чистоту (бездорожье и частая слякоть, работы в хлеву и унавоживание полей, нередко необходимость брать скот в избу и т.п.), а деревенское происхождение, как уже сказано, характерно для значительной части контингента коммуналки: от деревни этих людей отделяют одно–два поколения. А в более широкоохватной ретроспективе из деревни происходит большинство русских семей: до революции большинство русского народа жило в деревне.

В пятой главе – "На сцене жизни и в кулисах души" – автор прослеживает отсутствие приватности у жильца коммунальной квартиры и описывает крайние проявления этого отсутствия – подслушивание, подглядывание и всяческое шпионство друг за другом, хотя государственное подзуживание этой коммунальной привычки (благодарности и награждения за доносительство на соседа) оставлено за рамками исследования.

В гл. 6 – "здесь я здороваюсь когда хочу и с кем хочу" – рассмотрены взаимные приветствия (коммунальный этикет), а также конфликты, драки, их улаживание на коммунальных собраниях. Гл. 7 – "Каждый чёрт – Иван Иванович" – продолжает предшествующую, описывая девиантное поведение части жильцов – алкоголиков и скандалистов. Дальнейшее продолжение темы – в гл. 8 ("Очерк о краже"). Мелкое бытовое воровство рассматривается не как вызванное бедностью и нуждой, а как продолжение тяги к справедливости. Ну, воровство почти никогда не бывает вызвано просто бедностью, и воры всегда представляют себя Робин Гудами, устраняющими несправливое распределение благ. Тема завершается в гл. 9 – "Параноиды жилья". Это очерк о психических заболеваниях, вызванных коммунальным бытом или по крайней мере связанных с ним.

В гл. 10 – "От сплетни к историческому преданию" – как мне кажется, соединено несоединимое. Сплетня как регулятор поведения (все на нее вынуждены оглядываться) продолжает тему

гл. 5 и была бы уместнее там. Предания о прошлом данной квартиры, связанные с представлениями жильцов о престиже, – это совсем другая тема. Она связана с происхождением не только квартиры, но и ее контингента и с его идеалами.

В гл. 11 ("Вне квартиры") автор рассматривает некоторые общественные явления советского быта, в которых проявляются те же качества, которые так ярко представлены в коммунальной квартире. Это очереди к врачу, в железнодорожные кассы, проезд в городском транспорте (в частности "зайцем"). Сами по себе эти наблюдения интересны, но глава в целом слабо увязана с остальными, потому что связи с "коммунальными" навыками и свойствами недостаточно выявлены.

После приложений (официальных инструкций жильцам, вопроса к исследователя) помещен очерк "Заметки о наблюдателе", завершающий книгу. В этом очерке автор стремится выяснить, чем его позиция схожа с позицией дотошного иностранца, описывающего Петербург для благополучной Европы, и в чем отлична от такой позиции. Он возвращается к вопросу, поставленному в гл. 1 – о карте и территории. Теперь пора остановиться на названии этой главы – почему глава о планировке квартиры так называется? Сформулировав 10 свойств культурного пространства, из которых 6 представляются ему общими (свойственными любому культурному пространству), а 4 специфическими, он завершает обзор так:

«Перечисленные десять пунктов называют свойства карты, а не территории. ...Мы описываем карту, хотя и в наших собственных, а не в туземных терминах и категориях. Туземные категории достаточны для практического владения картой, но не годятся для теоретического обсуждения проблем, которые никогда не встают перед туземцами. ... "Практические" "рациональные" объяснения противоречивы и мифологичны. Мы же надеемся, что наши объяснения обладают иным эпистемологическим статусом, нежели мифология... Туземцы принимают карту за территорию; мы – нет. И вот почему их позиция относительно порядка, чистоты и необходимости ремонта не может трактоваться исследователем как пренебрежительное отношение. Чистота, порядок и небрежность суть категории описания карты, они не существуют в территории. А по отношению к несуществующему объекту невозможно быть небрежным. В этом смысле наши описания обязаны отличаться от записок иностранца, привносящего в них собственную туземную карту» (с. 48).

Здесь выражено модное ныне превознесение релятивизма. Мы описываем не планировку квартиры ("территорию"), а только наши представления о планировке ("карту"). У туземцев (жильцов) – свои представления (своя "карта"). До "территории" не добраться иначе чем через "карты". Какая карта ближе к территории, неясно. Нет критериев для решения этого вопроса. Раз чистота и порядок есть только в нашей карте, значит, бессмысленно говорить о них как о реалиях. Реалии для нас не существуют. Если иностранец считает, что у нас грязно и неблагоустроено, то виной тому не реальность, а его "карта" – его нормы. А у нас свои. Хотел ли Утехин это сказать?

Обоснование для этой методологической позиции находим в предисловии А.К. Байбурина, который для Утехина – учитель и вдохновитель.

«Понятие истины стало нерелевантным исследованию. Точнее, упразднена "объективная" истина, которая, как раньше говорили, "существует вне сознания людей". А поскольку есть основания сомневаться в том, что нечто может существовать вне сознания человека, истина стала ситуативной и субъективной. О ней имеет смысл говорить только по отношению к конкретной ситуации, произошедшей со мной. А лучше и вовсе о ней не упоминать, так как любой рассказ будет интерпретацией, которая к истине не имеет отношения. Это не значит, что понятие истины стало строже. Это значит, что оно перестало восприниматься в качестве научного.

Цель исследования теперь заключается не в том, чтобы "приблизиться к истине", а в том, чтобы максимально полно ("насыщенно" – если применять терминологию Гирца) и непредвзято описать ту или иную ситуацию, создать некий нарратив, сознавая, что речь идет о наших представлениях по поводу представлений других людей. В гер-

меневтическом толковании истины не бывает, поскольку нет и не может быть конечного (а тем более единственного) смысла» (с. 14).

Точный перевод термина Гирца "thick description" (аналогия к "thick writing") – по моему мнению, не "насыщенное описание", а "жирное описание", "описание с нажимом". Искусство его не в том, чтобы насыщать описание подробностями, а в том, где делать нажим – вот в чем смысл концепции Гирца. Его известный пример с подмигивающим мальчиком поясняет, где делать нажим – на описании подмигивающего глаза. То есть на семиотически нагруженной детали, которую исследователь, вжившийся в контекст, должен интуитивно ощущать. А столь глубокое знание контекста означает как-никак "приближение к истине" – к пониманию заложенного туземцем смысла. Сам же Байбурин рекомендует описывать "максимально полно и непредвзято". Но критерий полноты предполагает сведения о реальности. А что значит "непредвзято", если не "объективно"? Понятие объективности изгнано в дверь лишь для того, чтобы тотчас вернуться в окно. Отличный и объективный исследователь А.К. Байбурин на "территории", а не на "карте" не может обойтись без сверки своей "карты" и чужих "карт" с "территорией". Утехин – также.

А отвержение объективной истины – это в некотором смысле поза, хотя и не вполне игра. К этой метафоре исследователи прибегли, чтобы нагляднее и категоричнее отрешиться от позитивистской наивности, а у нас – от навязшей в зубах марксистской догматики. Они забывают, что у релятивизма есть свои опасности.

В целом же книга Утехина – несомненный успех. Книга была обречена на успех самой темой и ее умелой разработкой. Нажим всегда на семиотически важных деталях. Вероятно, будет и третьи издания. Желательно, чтобы исследователь продолжил занятия этой темой. Тема отнюдь не исчерпана. Коммунальная квартира может быть рассмотрена как реальная модель коммунизма наряду с более близкой к идеалу моделью – коммуной и более распространенной – колхозом. Она доступнее первой и коммунальнее второй. Затем она может быть поставлена в ряд с другими современными формами общинного быта – прежде всего "общагой" – студенческой и рабочей, а также с возрастными общежитиями (ясли, детсад, школа-интернат, армейская часть), а также с тюремной камерой. Весь этот ряд формировал характер советского человека и еще сказывается на нашем народе сейчас.

Совершенно упущен и другой аспект коммунальной квартиры – она могла бы быть рассмотрена и как ячейка интернационала, потому что мало в какой коммуналке нет собрания разных национальностей. В Питере это прежде всего русские, украинцы, евреи, татары, а в прошлом и немцы. В меньшей степени кавказцы и поляки. А коммунальный интернационал, как и большой Коммунистический, поворачивался к человеку разными своими сторонами – то дружбой народов вплоть до слияния в одной семье, то раздраем, замаскированным лицемерными объятиями, то откровенным шовинизмом с погромами и депортациями. Положение в стране отражалось в каждой коммуналке скорее, чем где бы то ни было.

Отдельную тему представляет выделение типов коммунальных жильцов – задача лишь отчасти выполненная художественной литературой (бессмертные типы Вороньей Слободки). Некоторые из них Утехин почти назвал – Горничная без барыни, Барыня без горничной, Квартирная склочница, Алкоголик, можно еще добавить Ничью бабушку, Правительницу (функционера), Деревенщину, Музыканта, Шута и др.

Наконец, стоило бы рассмотреть продолжение коммунального быта при переселении в отдельную квартиру. Ведь переселяются в нее, сохраняя те же навыки и нормы поведения. А места общего пользования и тут есть: лестница, подъезд, чердак, подвал, придомный газон, садовый участок. Коммуналок в наших городах становится все меньше, но коммунальный быт продолжается в новых условиях. Все так же писают в подъездах пьяные. Все так же выгуливают собак на газонах. Все так же летят окурки из окон, так же застревают на пути к помойке пакеты с мусором, приходят в негодность домофоны и замки, гаснут навеки лампочки, зарастают грязью лестничные окна...

Это не моя карта и не карта какого-то инопланетянина. Это наша территория.